

Ключевые слова:

трансформации в постсоциалистических обществах, разнообразие путей развития, институциональные изменения, формальные правила, неформальные правила, контроль за выполнением правил

Б. Шаванс, Д. Э. Н.,

проф. Университета Дидро — Париж 7
(e-mail: chavance@univ-paris-diderot.fr)

Формальные и неформальные институциональные изменения: опыт постсоциалистических трансформаций

Разнообразный опыт постсоциалистических трансформаций, проходивших в 1990-е – 2000-е гг. в 30 странах мира, преподнес общественным наукам ряд сюрпризов и загадок. Эти трансформации характеризуют два стилизованных факта, а именно: поразительное разнообразие путей развития, выбранных разными странами, и важность существующих неформальных правил и взаимосвязей между ними. При этом системный переход от социализма к капитализму обычно рассматривается как процесс рациональный и формализованный.

Разнообразие выбранных путей развития и правда впечатляет как на уровне отдельных стран¹, так и на более высоком уровне иерархии, где явно видна разница между траекториями развития, по которым движутся страны Центральной Европы, СНГ и азиатские страны. Специфика развивающихся взаимосвязей между формальными и неформальными институциональными изменениями — это ключевой фактор, влияющий на возникновение и сохранение такого разнообразия.

¹ Chavance B., Magnin É. *Emergence of Path-dependent Mixed Economies in Central Europe // Beyond Market and Hierarchy: Interactive Governance and Social Complexity* / A. Amin, J. Hausner, eds. — Cheltenham: Edward Elgar, 1997. — P. 196–232;

Magnin É. *La contribution des économies post-socialistes a la diversité du capitalisme // Capitalisme et socialisme en perspective. Evolution et transformation des systèmes économiques* / B. Chavance et al., eds. — Paris: La Découverte, 1999. — P. 349–370;

Van de Mortel E. *An Institutional Approach to Transition Processes*. — Aldershot: Ashgate, 2002;

Lane D., Myant M., eds. *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. — New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Роль неформальных отношений и правил подчеркивается в многочисленных статьях, посвященных анализу разного рода социальных феноменов: социальных сетей, социальных норм, общественных ценностей, — но также и анализу хаотичной приватизации, проникновения мафии в разные слои общества, коррупции, кумовства, установления валютного коридора, наличия задолженностей по выплатам, сохранения избыточного штата работников, бартера, уклонения от уплаты налогов, теневой экономики и, с другой стороны, наличия доверительных отношений, создания общественного капитала, появления деловой этики и этики общения в официальной обстановке и взаимодействия на неофициальном уровне. Тот факт, что неформальные правила играют значительную роль в системных изменениях, привел к постепенному смещению акцентов в экономической теории: чисто рыночные подходы уступили место институциональным.

Разграничение между формальными и неформальными измерениями и взаимодействие между ними в рамках общественных отношений давно проанализированы экспертами, в особенности специалистами, придерживающимися традиционного подхода в социологии и правоведении, но также и экономистами-теоретиками, рассматривавшими деятельность различных институтов. М. Вебер² отмечал, что отношения между неформальными нормами поведения и формализованными правилами сложны и связаны между собой. Дж. Коммонс (1934)³ писал, что традиции и обычаи возникают спонтанно и что авторитетные общественные фигуры проводят «искусственный отбор» традиций при попытках разрешения конфликтов, что приводит к формализации и закреплению правил. Это т. н. метод общей теории права, который применяется многочисленными субъектами, формирующими капиталистическое общество, включая субъект более высокого уровня — государство. Ф. Хайек в своих работах⁴ подчеркивал, что (неформальные) правила или моральные установки претерпевали изменения в течение долгого периода времени, прежде чем становились частью закона; «хорошие» неформальные правила сначала подвергались своего рода отбору в ходе «культурной эволюции», которая не являлась ни естественным, ни искусственно вызванным процессом. Анализируя в своей работе⁵ процесс институциональной эволюции, Д. Норт подчеркивал, что существует различие между формальными и неформальными правилами, причем последние являются основой для формирования первых и дополняют их.

Экспертами, анализировавшими опыт трансформаций постсоциалистических обществ, эта проблема недавно была признана наиболее важным фактором, влияющим на широкомасштабные институциональные изменения. При проведении экономического анализа системных изменений были использованы разные подходы. В настоящей работе мы рассматриваем новые подходы к проблеме взаимодействия между формальными и неформальными институциональными изменениями⁶, чтобы понять, насколько анализ может помочь в прояснении вопроса о том, почему разные постсоциалистические общества выбрали такие разные пути капиталистического развития.

² Weber Max. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. — Berkeley: University of California Press, 1978.

³ Commons J. *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*, vol. 2. — New Brunswick and London: Transactions Publishers, 1990.

⁴ Hayek F. *Law, Legislation and Liberty*, vol. 1, *Rules and Orders*. — London: Routledge & Kegan Paul, 1973; Hayek F. *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. — Chicago: University of Chicago Press, 1988.

⁵ North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — New York: Cambridge University Press, 1990.

⁶ Здесь под институтами понимаются установленные обществом правила, а формальные и неформальные правила считаются эквивалентом формальных и неформальных институтов. Более подробно о проблеме выработки понятия «институт» см.: Chavance B. *Institutional Economics*. — London: Routledge (forthcoming), 2008.

РАЗНООБРАЗИЕ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ И ИХ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ОПЫТА

Поиск общих черт в разных путях развития можно вести на различных уровнях абстракции. На самом нижнем уровне делается прямое сопоставление уровней развития всех рассматриваемых 30 стран или стран, входящих в те или иные подгруппы. На самом высшем — рассматриваются системные изменения в целом⁷. На среднем уровне абстракции можно говорить об анализе явно выраженных общих черт у групп стран со сходным путем развития. В рамках доминирующего подхода для рассмотрения трансформаций в разных странах (исключая азиатские) первоначально применялись одинаковые стратегия и анализ. Позднее разница в опыте развития разных стран была признана, но так и осталась не в полной мере проанализированной в рамках мейнстрима⁸.

Разными научными школами, рассматривавшими богатый опыт реформ в постсоциалистических странах, еще не было представлено единого набора стилизованных фактов, который мог бы послужить основой для возникновения различных теорий, проливающих свет на суть таких эпохальных перемен. Многообразие вариантов развития экономики и типов капиталистического развития, выбранных постсоциалистическими обществами, отчасти объясняет наличие такой парадоксальной ситуации. Попытки сформировать единый подход к рассмотрению «переходного периода в целом» оказались неудачными, т. к. часто такие обобщения можно опровергнуть, приведя один или несколько контрпримеров. В большинстве случаев эти обобщения основываются на моделях развития одной или нескольких стран, которые принято считать «типичными», но тогда не принимаются во внимание резко отличающиеся варианты трансформации. Для того чтобы извлечь «общий урок» из переходного периода, следует рассмотреть феномен разнообразия, а также провести более глубокий анализ реформ в разных странах. В противном случае мы рискуем прийти к ошибочным обобщениям, рассмотрев только один особый случай или период времени, не учитывая специфики исторического развития как фактора, который необходимо принимать во внимание при построении общей теории⁹.

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В настоящее время имеются две авторитетные, но противоречащие друг другу теории, описывающие суть взаимоотношений между формальными и неформальными правилами или институтами.

Первая — это теория права Хайека, на формирование которой повлияла теория общего права. Согласно ей, право (как и моральные правила) воспринимается как результат развития абстрактно существующих правил, отбор которых производился на протяжении долгого исторического периода в ходе культурной эволюции, когда наиболее выигрышные правила отбирались посредством групповой селекции¹⁰. Тщательно выверенный правовой порядок может быть благотворным в той степени, в которой он закрепляет выработанные общие правила поведения (или не противоречит им) либо

⁷ См., например: Kornai J. *What the Change of the System from Socialism to Capitalism Does and Does Not Mean* // *Journal of Economic Perspectives*. — 2000. — 14 (1). — P. 27–42.

⁸ Ж. Ролан (2000) рассматривает национальные различия как стилизованные факты в процессе проводимых трансформаций: различия в выбранном пути реформ и различия в выборе стратегии развития; различия в макроэкономических показателях после проведения либеральных реформ и различия в экономических показателях работы компаний после смены формы собственности и руководства. Но не только рабочие показатели должны рассматриваться отдельно. Различия в рабочих показателях также должны быть соотнесены с различиями в институциональном устройстве постсоциалистических обществ, выбравших капиталистический путь развития.

⁹ Hodgson Geoffrey. *How Economics Forgot History. The Problem of Historical Specificity in Social Science*. — London: Routledge, 2001.

¹⁰ Hayek F. *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. — Chicago: University of Chicago Press, 1988.

в чем-то совершенствует, не заменяя их телеологическими и вспомогательными организационными правилами, которые совершенно не вписываются в концепцию расширенного спонтанного порядка¹¹. Последователи данной теории придают большое значение неформальным, появившимся в результате развития правилам и считают формальные, тщательно выверенные правила «хорошими» только в том случае, когда они совпадают с неформальными. Но формальные правила могут отражать и попытку конструктивистов построить собственную расширенную концепцию порядка на основе телеологической модели, и в этом случае они нанесут вред экономике и обществу в целом.

Вторая заметная теория — это теория институциональных изменений Норта. В своей примечательной работе Норт проводит различие между формальными и неформальными институтами, подчеркивая инерционный характер последних. Он пишет о переменах, которые происходят в результате дискретных институциональных изменений, таких как революции или завоевания страны: «Что самое поразительное (правда, об этом редко говорят сторонники революций) — это то, что в обществе, несмотря на полную смену [формально действующих] правил, очень многое остается неизменным»¹². Определяя институты как правила, он отмечает, что «неформальные правила, в основе которых лежат изменения в культуре, не меняются сразу вслед за изменениями в формальных правилах», что приводит к «противоречиям между изменившимися формальными правилами и оставшимися неизменными неформальными правилами»¹³. Формальные правила устанавливаются и контроль за их исполнением осуществляется «сверху», а неформальные правила связаны с культурной традицией. Норт также серьезно критикует подход представителей мейнстрима экономической теории к рассмотрению переходного периода, подчеркивая, что он затрудняет понимание сути институциональных изменений, и выступает против «некоторой самоуверенности, заметной в ежегодных отчетах Всемирного банка и в работах экономистов-традиционалистов, которые полагают, что они все правильно поняли»¹⁴, добавляя, что «неотступное следование выбранной траектории изменений может привести и приводит к тому, что появляется большое число путей развития, выбор которых зависит от культурного наследия и истории страны»¹⁵. Еще один недостаток традиционного подхода в том, что при нем не учитывается важность контроля за соблюдением формальных правил: «Страны, которые заимствуют у других стран формальные правила, имеют совершенно отличные от этих стран экономические показатели» в связи с наличием у них «других неформальных правил и системы контроля за выполнением правил»¹⁶. При заимствовании формальных правил у стран с успешными экономическими показателями такое несоответствие приводит к тому, что появляются факторы, сдерживающие ход ожидавшихся революционных (формальных) изменений, а также к разочарованию результатами работы.

Сторонники подхода, примененного Нортом, весьма отрицательно относятся к неформальным правилам, часто расценивая их как ненужное наследие прошлого, и с готовностью отмечают, что экспертами в институциональной экономической теории пока еще не найдена одна-единственная верная или «гибкая» и эффективно работающая комбинация формальных правил, неформальных правил и системы контроля за их выполнением.

¹¹ Hayek F. *Law, Legislation and Liberty, vol. 1, Rules and Orders*. — London: Routledge & Kegan Paul, 1973.

¹² North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — New York: Cambridge University Press, 1990. — P. 36.

¹³ Там же. P. 45.

¹⁴ North D. *Understanding Economic Change // Transforming Post-communist Political Economies / J. Nelson, C. Tilly, L. Walker, eds.* — Washington D. C.: National Academy Press, 1997. — P. 15.

¹⁵ Там же. P. 17.

¹⁶ North D. *Economic Performance Through Time // American Economic Review*. — 1994. — 84 (3), June. — P. 366.

Таблица 1

**Формальные и неформальные правила
в двух теориях об изменениях**

	Хайек	Норт
Формальные правила	Свод законов должен соответствовать появившимся в результате постепенного развития (неформальным) правилам	Законы и конституции часто заимствуются у экономически развитых стран
Неформальные правила	Сформировались в результате развития в ходе культурной эволюции, в целом полезны (являют собой традицию), лежат в основе формальных правил, но действуют и в их отсутствие	Нормы поведения, договоренности, самостоятельно выработанный кодекс поведения (составляют культуру), обычно лежат в основе формальных правил и дополняют их
Причина возникновения возможных противоречий	Законодательные нормы входят в противоречие с выработанными правилами	Быстрые изменения в формальных правилах не соответствуют инерционности неформальных правил
Последствия конфликтов	Конструктивистские попытки действовать являются угрозой для спонтанного развития общества или рынка	Революционные изменения не оправдывают надежд и не приносят ожидаемых результатов
Критика традиционалистского подхода к выбору стратегии переходного периода	Конструктивистская (?) (гипотетическая критика)	Акцент только на изменении формальных правил, не уделяется внимание проблеме контроля за выполнением правил и инертности неформальных правил
На чем основана теория	Экономический либерализм	Новый институциональный подход

Эти две теории повлияли на попытки сторонников институционализма проанализировать изменения, происходившие в постсоциалистических обществах. Так как эти теории плохо совмещаются одна с другой, попытки произвести синтез, опираясь либо на одну, либо на вторую теорию, не дали убедительных результатов. Более того, такие попытки были основаны (в той или иной мере) на вере неолибералов в рынок как таковой, что вносило элемент единообразия в полученные выводы.

Сторонники первой теории сталкиваются с серьезными трудностями, когда речь идет о «переходе» к капиталистическому строю, т. к. такой «переход» осуществляется не путем исторической эволюции, а в результате революционного восстания. Вторая теория может показаться однобокой в том, что касается рассмотрения неформальных институтов (которые приравниваются к культурному наследию), прежде всего как препятствия на пути прогрессивных изменений¹⁷.

В РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ О РАЗНИЦЕ МЕЖДУ ФОРМАЛЬНЫМИ И НЕФОРМАЛЬНЫМИ ПРАВИЛАМИ

Некоторые ученые вслед за Нортом рассматривали разницу между формальными и неформальными институтами, основываясь на том разнообразном и непростом опыте, который приобрели разные страны в период постсоциалистического развития. Часть экспертов пошла дальше взглядов новых институционалистов в том, что касается связи между формальными и неформальными правилами.

¹⁷ Если бы в основу спора о переходном периоде была положена немецкая традиция ордолиберализма, в подходах неолибералов к рассмотрению системных изменений, возможно, было бы меньше противоречий, но данная теория почти не рассматривалась. По мнению Ляйпольда (2001), в рамках данной традиции не проводились исследования политического процесса и роли неформальных правил.

С. Пейович¹⁸ выдвинул «тезис о взаимодействии», когда разные случаи рассматриваются по отдельности: 1) формальные институты подавляют, но не меняют неформальные институты; 2) формальные правила вступают в прямое противоречие с неформальными; 3) формальные правила либо не соблюдаются, либо не принимаются во внимание; 4) формальные и неформальные правила дополняют друг друга — как в случае, когда государство кодифицирует неформальные правила, которые выработаны в ходе спонтанного развития. Пейович отмечает: «Когда формальные правила вступают в противоречие с господствующими неформальными правилами, взаимодействие между соответствующими этим правилам мотивациями, скорее всего, приведет к повышению затрат на проведение трансформаций и снижению уровня благосостояния на местном уровне»¹⁹.

В дискуссии относительно правил и их взаимосвязей В. Ни²⁰ проводит различие между сравнимыми, несопоставимыми и противоречащими (неформальными) нормами в зависимости от их отношений с формальными правилами. Сравнимые нормы близки к формальным правилам, и они дополняют друг друга. Несопоставимые нормы позволяют действовать исходя из практических соображений, но при этом сохраняются формальные структуры, которые могут стать простой условностью. Противоречащие нормы «взывают к восстанию» против формальных правил. По мнению Ни, первый тип взаимодействия благотворно сказывается на экономических показателях, а третий крайне негативно воздействует на них.

Характеризуя институты как правила, с которыми связан некий механизм контроля, Войт и Энгерер²¹ описывают внешние институты как правила, установленные государством, а внутренние — как правила, установленные обществом. Два эти определения во многом перекликаются, хотя в них и по-разному разграничиваются формальные и неформальные правила (как в случае, когда правила частных лиц, связанные с организованной частными лицами системой контроля, можно отнести к формальным внутренним правилам).

Таблица 2

Внешние и внутренние институты

Вид правила	Уровень контроля	Тип института
1. Договоренность	Контроль осуществляется самостоятельно	Тип 1 — внутренний
2. Правила этического поведения	Признание справедливости правила самим действующим лицом	Тип 2 — внутренний
3. Обычаи	Неформальный контроль общества	Тип 3 — внутренний
4. Правила частных лиц	Организованная на частном уровне система контроля	Тип 4 — внутренний
5. Закон государства	Организованная государством система контроля	Внешний

Источник: Voigt S., Engerer H. *Institutions and Transition. Possible Policy Implications of the New Institutional Economics* // SSRN, Working paper. — 2001. — December.

Авторы выделяют четыре типа отношений между внешними и внутренними правилами: отношения неприсоединения, взаимодополняемости, взаимозамещения (несоблюдение правил с санкции государства либо частного лица) и противостояния. Отношения взаимодополняемости — это необходимое, но недостаточное условие достижения успеха в экономике, ведь все зависит от того, из каких элементов состоит институт. Внутренние институты меняются медленнее внешних, так как в них не действуют механизмы неслучайного отбора.

¹⁸ Pejovich S. *The Effects of the Interaction of Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development* // *Journal of Markets & Morality*. — 1999. — 2 (2), Fall. — P. 170.

¹⁹ Там же. P. 171.

²⁰ Nee V. *Norms and Networks in Economic and Organizational Performance* // *American Economic Review*. — 1998. — 88 (2), May.

²¹ Voigt S., Engerer H. *Institutions and Transition. Possible Policy Implications of the New Institutional Economics* // SSRN, Working paper. — 2001. — December.

Я. Виниецки²², как и Пейович, подчеркивает факт взаимодействия между формальными и неформальными правилами, причем последние обычно склонны к большей гибкости. Баланс между двумя типами правил — условие достижения успеха в экономике в долгосрочной перспективе, однако несогласованность между ними может проявляться по-разному. Неформальные правила могут снизить положительный эффект от ввода новых формальных правил, но они также могут ограничить негативные последствия ошибочных правил. Виниецки защищает методику «шоковой терапии» и сдержанно относится к формальным правилам в общем (он приводит в пример «институциональную кривую Лаффера», в которой после превышения некоторого порогового значения формальные правила начинают негативно влиять на рост благосостояния). Наличие ограниченного количества формальных правил должно позволить неформальным правилам гибко эволюционировать благодаря процессу децентрализации²³. Виниецки выступает против градуализма на том основании, что критическая масса изменений в формальных правилах на начальном этапе необходима, а также потому, что, по Пейовичу, «рынок институтов» (подразумевающий наличие мирно сосуществующих правил разных видов) основан на ложной аналогии с процессом возникновения капитализма²⁴.

Катарина Пистор, делая различие между формальным и неформальным правом, отмечает, что обе эти разновидности права имеют тенденцию по мере развития дополнять друг друга, но при смене политического режима или экономической системы новые формальные и ранее образовавшиеся неформальные институты ведут конкурентную борьбу или функционируют независимо друг от друга²⁵. Право обычно занимает позицию «нейтралитета», что противоречит тезису Маркса о надстройке, но оно перестает быть «нейтральным» при смене режима, т. е. существующие права на осуществление контроля за политической и социально-экономической сферой перераспределяются²⁶. В отличие от таких авторов, как Виниецки или Пейович, которые сосредоточились главным образом на отношениях между формальными и неформальными правилами или подходят к рассмотрению формальных правил с позиции эффективности²⁷, Пистор, по всей видимости, согласна с утверждением Норта о том, что власть является первопричиной институциональных изменений на формальном уровне, но она отмечает, что такое утверждение верно только для периода «смены режима».

Во второй половине 1990-х гг. первоначальная концепция переходного периода подверглась некоторым изменениям. Исследователи Сакс и Пистор²⁸ подчеркивают важность правовой базы, административных мощностей и контроля за правоприменительной практикой. П. Штомпкой был разработан ряд «мягких» интерпретаций таких понятий, как доверие, общественный капитал и т. п.²⁹, и институциональная теория стала основной в дискуссиях.

СЛЕДУЮЩИЕ ОДИН ЗА ДРУГИМ ПЕРИОДЫ ИЗМЕНЕНИЙ

Взаимозависимость между изменениями в формальных правилах, системе контроля и в неформальных правилах принимала различные формы в следующие один за другим периоды реформ и постсоциалистических трансформаций.

²² Winiecki Jan. *Formal Rules, Informal Rules and Economic Performance* // *Acta Oeconomica*. — 2000/1. — 51 (2).

²³ Там же. P. 160–161.

²⁴ Winiecki Jan. *Formal and Informal Rules in Post-Communist Transition* // *Journal of Public Finance and Public Choice*. — 1998. — XVI (1). — P. 21.

²⁵ Pistor Katharina. *The Evolution of Legal Institutions and Economic Regime Change* // *Governance, Equity and Global Markets. Proceedings of the Annual World Bank Conference on Development Economics in Europe / Pleskovic B. (ed.)*. — Paris: La Documentation Française, 2000. — P. 4.

²⁶ Там же. P. 9.

²⁷ Виниецки (2000) ссылается на расчет эффективности при вводе в обиход новых формальных правил.

²⁸ Sachs J., Pistor K., eds. *The Rule of Law and Economic Reform in Russia*. — Boulder (Co.): Westview Press, 1997.

²⁹ Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Если проводить анализ на примере стран Центральной Европы, условно назвав последнее десятилетие существования социалистического строя предреволюционным, три последующих года революционными, 12 следующих лет послереволюционными (считая год вступления в Евросоюз символическим «водоразделом»), а следующий за ними период эволюционным, то данные можно представить так (табл. 3).

Таблица 3

Четыре этапа переходного периода в странах Центральной Европы

Этап	Формальные правила	Контроль за соблюдением формальных правил	Неформальные правила
Пред-революционный	Значительные, но не всеобъемлющие изменения в реформируемых странах*, ограниченные изменения в других странах	Нестабильная система контроля, часто ухудшающаяся	Быстрые и обширные изменения в реформируемых странах, медленные, но реальные изменения в других странах
Революционный	Радикальные, широкомаштабные и всеобъемлющие системные изменения	Обычно слабый	Быстро вводимые, обширные, протекционистские изменения и ввод инноваций (системная неопределенность)
После-революционный	Продолжающиеся изменения, системные (например, приватизация) и внутрисистемные (двигателем которых является взаимодополняемость правил)	Объединение систем контроля (в зависимости от сферы деятельности)	Обширные изменения, извлечение уроков в условиях формирования стабильно действующего формального свода правил (внутрисистемная неопределенность)
Эволюционный	Постепенные внутрисистемные перемены	Объединение систем контроля, стабилизация	Внесение изменений в результате (в основном) извлечения уроков, постепенный ввод инноваций

* Польша и Венгрия в 1980-е гг.

Но давайте рассмотрим опыт азиатских стран — опыт Китая и Вьетнама, где системный сдвиг произошел вследствие продолжительного эволюционного процесса, и при этом не было отмечено наличия четко очерченного революционного периода развития³⁰. Хотя в хронологии и самом реформенном процессе в этих двух странах имеются различия, тем не менее можно увидеть и некоторое сходство в последовательности событий³¹. Мы можем условно выделить первый период, когда формальные общественные институты и правила не были строгими, происходил процесс отказа от коллективизации в сельском хозяйстве и формировался частный (или квазичастный) сектор; второй период, когда проводились двухвекторные реформы с двойной системой ценообразования и были частично открыты внешние границы страны; третий период, когда радикальные изменения в формальных правилах и институтах углубились (затрагивая государственную собственность, управление, банковскую систему и монополию на внешнюю торговлю), а также четвертый период, который можно (в первом приближении) назвать постсоциалистическим, когда образовывались формальные капиталистические институты, такие как частная или квазичастная собственность, рынки капитала и т. п. Все вышесказанное кратко представлено в табл. 4.

³⁰ Преемственность господствовала в официальной политической системе, даже притом что она претерпела некоторые изменения (Уолдер, 1995); вследствие этого невозможно определить четкую дату начала трансформаций экономической системы. С. Любман (1996) тем не менее отмечает момент «взрыва законотворчества» в рамках правовой реформы в Китае.

³¹ Среди огромного количества статей хотелось бы отметить работы Нафтона (2006), Бересфорда (2001) и Паке (2004).

Четыре этапа переходного периода в странах Азии

Этап	Формальные правила	Контроль за выполнением (уже существующих или новых) формальных правил	Неформальные правила
Ослабление социалистических институтов	Ограниченные, экспериментальные изменения формальных правил, за которыми следует формальное закрепление проведенных трансформаций	Неравномерный, часто ослабевающий	Быстрые перемены, за которыми следуют инициативы на местах
Двух-векторные реформы	Реформы, направленные на то, чтобы контролировать процесс постепенного усечения государственного сектора экономики и укрупнения негосударственного	Обычно ослабленный	Быстрые и обширные изменения и ввод инноваций (игра на разнице цен, получение прибыли от «потепления» отношений с зарубежными странами)
Радикальные институциональные реформы	Перемены, направленные на уменьшение роли и реформирование основных социалистических институтов	Объединение систем контроля (в зависимости от сферы деятельности), некоторое ужесточение бюджетного дефицита	Обширные изменения, извлечение уроков в условиях постоянно меняющегося формального свода правил
Постсоциалистическая капиталистическая эволюция	Дальнейшее развитие формальных капиталистических институтов	Объединение систем контроля (в зависимости от сферы деятельности), элементы стабилизации	Реформирование на основе извлечения уроков, постепенный или быстрый ввод инноваций

Такая периодизация, разумеется, условна, но она четко дает понять, что общая взаимозависимость между изменениями в формальных правилах, характеристиками системы контроля за их выполнением и неформальными правилами хотя и играет центральную роль в выборе путей развития постсоциалистических обществ, но также вносит свой вклад (в зависимости от общих условий ведения реформ и в особенности от выбранного пути) в расширение спектра процессов и разновидностей системных изменений. Если сосредоточиться на вышеназванных причинах возникновения такого числа институциональных изменений, это может помочь выбрать менее детерминистский подход, чем тот, что используется некоторыми последователями нового институционализма.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМАЛЬНЫХ ПРАВИЛ?

Ряд исследователей — сторонников новой институциональной теории, занимавшихся анализом системных изменений, считают, что рассмотрение новых формальных правил не представляет большой сложности, т. к. они видятся рациональными и полезными в принципе. Основную проблему представляют неформальные правила, которые могут гибко меняться и в которых не хватает рациональности.

Капитализм как целевая модель, по которой идет трансформационный процесс, на самом деле связана с разным уровнем формализации. В формальных институтах наблюдается разная степень обобщения и специализации. Например, частная собственность как основа способа производства представляет собой общий институт, который принял множество конкретных форм при существовавших и недавно возникших типах капиталистической организации общества. Как показывают работы, посвященные анализу разных типов современного капитализма, некоторая часть формальных институциональных структур занимает господствующее положение и сохраняется в условиях

разных стран³². Как следствие этого, ввод в действие и развитие формальных правил, которые являются типичными для постсоциалистического капиталистического общества, происходит в разных формах и зависит от политических условий, влияния заимствованных моделей и международных организаций³³. Новые формальные правила могут создать проблемы в силу разных причин: они могут иметь низкий уровень официального признания, плохо соотноситься с другими формальными институтами или продуцировать неожиданные и нежелательные последствия³⁴. Революционный и ранний послереволюционный период в странах Центральной Европы выявил значительную нестабильность формальных правил, при этом законодательство часто менялось из-за наличия внутреннего конфликта, присутствия внешнего давления или неожиданных последствий³⁵, господства своего рода трансформационного упадка (не в плане нехватки формальных правил, а в смысле нестабильности и недостатка знаний), а также системной неопределенности³⁶ (приведенной к телеологическому представлению о рыночной экономике).

Первоначально институционалисты справедливо отмечали, что вообще институты, включая формальные, объединяют в себе знание и его отсутствие³⁷. Эти формальные институты, таким образом, оказывают двоякое влияние на игроков рынка, их поведение и взаимодействие между ними. Следовательно, представление о том, что новые формальные правила, в принципе, являются двигателем системных изменений, в некоторой степени ошибочно³⁸. Было бы упрощением объявлять неформальные институты или систему контроля за выполнением формальных правил виновниками того, что в ходе системных реформ возникают трудности.

³² Berger S., Dore R., eds. *National Diversity and Global Capitalism*. — Ithaca: Cornell University Press, 1996; Hollingsworth R., Boyer R., eds. *Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Hall P., Soskice D. *Varieties of Capitalism. The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. — Oxford: Oxford University Press, 2001; Amable B. *The Diversity of Modern Capitalism*. — Oxford: Oxford University Press, 2003.

³³ В то время как Вашингтонское соглашение, поддержанное МВФ, Всемирным банком, ОЭСР и ЕБРР, занимало главенствующую позицию в странах Восточной и Центральной Европы, другие международные организации (большая часть которых связана с ООН), как, например, Европейская комиссия, даже не будучи настолько же влиятельными, старались защищать иную политику или институты. Например, на Международную организацию труда ссылались, когда в начале 1990-х гг. была предпринята попытка сформировать трехсторонний совет для ведения переговоров между правительствами, профсоюзами и работодателями большинства стран Центральной Европы. Так как политика этих организаций шла вразрез с господствующими неолиберальными тенденциями, их положение слабело либо они ушли с политической сцены спустя некоторое время.

³⁴ Так произошло, например, в случае с массовой приватизацией.

³⁵ Например, первоначально существовавшие положения о социальной защите, безработице и т. д. были вскоре урезаны во многих странах, правила приватизации часто пересматривались, а система налогообложения была упорядочена далеко не сразу.

³⁶ Говоря о Польше первой половины 1990-х гг. Штомпка пишет: «Ощущение неопределенности также объясняется отсутствием закрепленных норм или общим упадком. Правовая система представляет собой беспорядочный набор фрагментарных правил, старых и новых, которые часто нелогичны, часто меняются и превратно истолковываются. Огромное количество нормативов, административных кодексов и противоречащие друг другу толкования установленных норм делают законодательство недоступным для понимания. Все еще не подготовлен текст новой Конституции, 27 ее проектов горячо обсуждаются в неоднородном парламенте, а старая Конституция представляет собой “лоскутное одеяло” из особых поправок. Правовому государству наносится ущерб тем, что вне правового поля принимаются решения высокими инстанциями, включая канцелярию Президента, и тем, что парламент иногда принимает законы, имеющие обратную силу. Вера общества в преемственность, стабильность и правопорядок явно подорвана.» (1999).

³⁷ Hamilton W. *Institution* // *Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 8 / E. Seligman, A. Johnson, eds. — London: Macmillan, 1932.

³⁸ Когда новые формальные правила вступали в противоречие с господствующей концепцией о трансформациях, как в Китае во время проведения двухвекторных реформ (где ценообразование в госсекторе шло по двум направлениям), они критиковались представителями мейнстрима как иррациональные, но, как оказалось позднее, такие правила способствовали системным изменениям. (Нафтон, 1995).

ИНЕРЦИОННОСТЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАВИЛ

Иногда считают, что сведение неформальных правил к культуре проясняет наличие тех или иных экономических показателей и показателей развития, что ведет к культурологическому заблуждению. Пейович пишет: «Преобладание системы коллективизма и “уровнировки” в странах Центральной и Восточной Европы становится все заметнее по мере продвижения на восток и юг-восток. Согласно тезису о взаимодействии, разница в затратах на осуществление реформ, проистекающая из разницы в культуре, наблюдающейся внутри одного и того же региона, объясняется, почему имеется разница в результатах реформ переходного периода»³⁹. Он утверждает, что «результаты исследований и опыт показывают, что место, которое занимает страна в рейтинге стран с экономической свободой, соотносится с уровнем экономических показателей в этой стране»⁴⁰. Однако он забыл о возможности двинуться далее, на восток, где идет процесс трансформаций в азиатских странах, в которых т. н. экономическая свобода не так очевидна и где в течение долгого времени господствовала уравнивательная система, что само по себе опровергает справедливость данного утверждения. Культуроцентричные теории иногда повторяют друг друга. Отставание Японии в том, что касается развития капитализма, долгое время (в соответствии с тезисом Вебера) объяснялось господством конфуцианства в стране, но позднее то же самое философское течение признавалось двигателем, приведшим Японию к успеху на пути развития капитализма⁴¹.

Культура — общее понятие. В одном и том же обществе мы находим разные «культуры», которые менялись в разное время (например, традиционная досоциалистическая, социалистическая культура и культура позднего социализма). Изменения в культуре, ее истребление, возрождение и создание новой культуры зависят от исторических условий. В некотором смысле системные изменения сопровождаются «культурной революцией», которая не исключает преемственности, в отличие от всех других революций. Неформальные правила формируются на разных уровнях экономической жизнедеятельности⁴². Некоторые из них связаны с культурой и давно существуют, но многие действуют в течение ограниченного времени и слабо связаны с культурными ценностями и нормами. Хотя некоторые правила имеют способность гибко видоизменяться, степень их инерционности значительно варьируется на разных уровнях экономики и общества и в разные периоды революционных или эволюционных изменений. Постсоциалистические перемены в неформальных институтах не шли по единой схеме. Старые нормы существовали в условиях стремительного отказа от неписанных правил и скорого появления новых, нигде не закрепленных, правил.

Например, во всех странах, где переход от экономики дефицита ресурсов к экономике спроса осуществлялся в течение нескольких месяцев или даже недель, культура дефицита и связанные с нею неформальные поведенческие характеристики быстро исчезали⁴³.

³⁹ Pejovich S. *Understanding the Transaction Costs of Transition: It's the Culture, Stupid!* // *Review of Austrian Economics*. — 2003. — 16. — P. 351.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Morishima M. *Why has Japan 'succeeded'?* — Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

⁴² Обсуждая неформальные правила, которые являются неотъемлемой частью формальных институциональных структур, Г. Хельмке и С. Левицки (2004) указывают на разницу в их происхождении: они создаются субъектами рынка, потому что формальных правил недостаточно; неформальные правила могут стать оптимальным выбором для тех, кто предпочли бы, но не могут воспользоваться решением на основе формальных институциональных структур. Еще одним мотивом создания неформальных правил может быть стремление достичь целей, которые не считаются приемлемыми на государственном (или международном) уровне.

⁴³ Я. Корнай (2006) отмечает, что память ненадежна: «Люди очень забывчивы: и коллективная память, и память отдельных людей крайне ненадежна. Десятилетия назад люди писали массу жалоб на дефицит товаров широкого потребления — нужно было много лет ждать, прежде чем купить машину, квартиру или получить отдельный телефонный номер. Теперь, похоже, я (когда-то написавший книгу под названием “Экономика дефицита” [1980]) — последний в Восточной Европе человек, кто помнит, как выглядела экономика дефицита и искренне рад тому, что она ушла в прошлое. На смену хроническому дефициту пришло изобилие, и теперь люди жалуются на избыток товаров, на запредельность цен и на негативное влияние “общества потребления”».

Изменения в системе ценностей и в неформальных правилах часто можно наблюдать уже через несколько лет, как указывает А. Леденева в своем исследовании, посвященном переходному периоду в России, говоря о понятии успеха, индивидуализме и эффективности⁴⁴.

По всей видимости, сходные неформальные правила, как, например, практика сохранения избыточного штата работников на крупных российских предприятиях, приняли очень разные формы в позднесоциалистический и в переходный период. Подобные перемены также происходили и в сетевых объединениях, таких как китайская система «гуаньси»⁴⁵, российская система блата⁴⁶ или венгерская сеть «рекомбинантной собственности»⁴⁷.

Многие новые правила в общем процессе системных изменений действовали недолго, что показывает успех игорного бизнеса и финансовых пирамид во многих странах и гонка за западногерманскими товарами у немцев из бывшей ГДР. Неофициальные правила, установленные российскими олигархами в ходе широкомасштабного расхищения государственного имущества в рамках программы приватизации, действовали не более двух лет⁴⁸. На смену договоренностям между «ворами в законе» середины 90-х гг. пришел период соблюдения формальных правил в практике ведения бизнеса. Некоторые наблюдатели воспринимали такую перемену как изменения в культуре ведения бизнеса.

И, наоборот, в России в 90-е гг. в течение почти семилетнего периода жестокого дефицита наличных денег в условиях бартерной экономики сформировалась обширная и запутанная система неформальных правил обмена товарами, превратившаяся в сложный механизм компенсационных выплат. Неписанные правила бартерного обмена, связанные с особыми проблемами планирования в советский период, существовали и ранее, но постсоветская бартерная экономика и ее специфические правила функционирования представляли собой нечто новое: новые неформальные взаимоотношения устанавливались и развивались в течение короткого исторического (в конце концов, оказавшегося переходным) периода. Еще один пример быстрого возникновения свода неформальных правил связан с вводом в действие (официальной) двухвекторной системы развития экономики в Китае в 1980-е гг.⁴⁹, но и эти правила, как показала практика, просуществовали недолго.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ВРЕДНЫ?

В основе господствующей экономической теории лежит безоговорочно принимаемый стандарт — оптимальность по Парето, каковая считается благоприятной для всех членов общества. Это приводит к тому, что многие экономисты проявляют категоричность и высокомерие, которое зиждется на уверенности в том, что эффективность и коллективный интерес могут прекрасно ужиться друг с другом, так что понятие «экономические показатели» нельзя истолковать двояко. При таком подходе формальные институты, показывающие «одну, самую правильную» дорогу к достижению оптимальности, как полагают, уже известны, и, как следствие этого, действия в соответствии с неформальными

⁴⁴ Леденева, А. *Российская экономика блата: блат, сети отношений и неформальный обмен*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. А. Леденева также отмечала, что в России середины 1990-х гг. стало проблематичным занять деньги у друзей, хотя такая практика была широко распространена в советское время, а также то, что дети быстро восприняли «денежные ценности». Она также отмечала, что в академическом сообществе культура сокрытия информации пришла на смену культуре сотрудничества. Блат, который ранее был связан с приобретением ценностей, стал ассоциироваться с удовлетворением собственных интересов, приобретением выгоды обеими сторонами и т. п. (Леденева, 1998).

⁴⁵ Wank D. *Commodifying Communism: Business, Trust, and Politics in a Chinese City*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁴⁶ Леденева А. *Российская экономика блата: блат, сети отношений и неформальный обмен*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

⁴⁷ Stark D., Bruszt L. *Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

⁴⁸ Freeland C. *Sale of the Century. The Inside Story of the Second Russian Revolution*. — London: Little, Brown and Company, 2000.

⁴⁹ Например, продажа государственными предприятиями выделенных им по низкой стоимости ресурсов и материалов по заметно более высоким ценам на открытом рынке стала очень распространенной практикой.

правилами часто считаются вредными, за исключением случаев, когда неформальные правила практически совпадают с «хорошими» формальными. Такая принимаемая как данность концепция прочно связана с теорией «равновесного мышления», согласно которой истинное изменение трудно поддается анализу либо сводится к телеологическому «переходу» к благотворному системному равновесию.

Но эффективность и экономические показатели — это сложные понятия, и не вполне разумно рассматривать их в историческом контексте, если не найдено ответов на вопросы: «Эффективность для кого?»⁵⁰ и «Чи экономические показатели?». Точно так же и разные виды формальных и неформальных правил и их взаимодействия могут привести к благоприятным или негативным последствиям для разных социальных групп или отдельных граждан. Такие взаимодействия с течением времени могут производить неоднозначный или непостоянный эффект⁵¹. Было бы желательно, чтобы специалисты в общественных науках оценили значимость и «стандартность» данных концепций, применив при этом ясный и четкий научный подход.

Тот факт, что часто ссылаются на стандарт «открытости» вообще и на «открытость» в постсоциалистических обществах в частности — это пример безоговорочно принимаемой позиции сторонников мейнстрима экономической теории, согласно которой предполагается, что грамотные агенты рынка будут действовать рационально, а это приводит нас к понятию «оптимальное равновесие», как и предсказывали традиционалисты. Чаще всего «открытость» превращается в стандарт, воспринимаемый как необходимое условие достижения эффективности. Такие понятия, как неопределенность Кейнса, сложные феномены и понятие о незнании Хайека, рациональность как процесс и ограниченная рациональность Саймона или несовершенная информация Штиглица, не принимают во внимание, либо о них забывают. Что примечательно, в стандартном применении термин «открытость» предполагает: правила уже являются или должны быть исключительно формальными и контроль за их исполнением должен происходить стихийно. При этом в расчет не принимается постоянно присутствующая двоичность формальных и неформальных институтов в экономике и государственном устройстве. Вдвойне ошибочно постулировать рациональность формальных правил и негативный характер неформальных правил.

За пределами господствующей доктрины о переходном периоде мы также находим мало случаев признания сложности взаимодействия между формальными и неформальными правилами. Хотя Хайек придавал большое значение постепенно сформировавшимся или специально разработанным неформальным правилам «правильного» поведения, как было указано ранее, это мало способствует объяснению причин перемен в постсоциалистических обществах, если не связывать отдельно взятую традицию с процессом культурной эволюции⁵², а все остальные традиции отбрасывать как конструктивистские (в той или иной степени). Сведение неформальных правил к культуре вкупе с негативной оценкой их инерционности, влияющей на процесс трансформации (что отмечал Норт и о чем язвительно отзывался Пейович), не оставляет места для восприятия зависящего

⁵⁰ Шмид отмечает: «Проблема с понятием “эффективность” в том, что существует много разных типов эффективности, и поэтому понятие эффективности само по себе не дает оснований для выбора одной из разновидностей концепции» (2004). Речь идет о моральном выборе с учетом того, чьи интересы затрагиваются.

⁵¹ Официальные правила могут быть заменены или дополняться неформальными договоренностями посредством «деформализации правил». «Во-первых, формальные правила вырабатываются государственными органами таким образом, что у них остается пространство для маневра, и это создает высокую степень неуверенности у субъектов рынка. Во-вторых, стремясь избежать высоких затрат при соблюдении формальных правил, субъекты рынка создают особые контрольные структуры, чтобы обходить формальные правила в системном порядке. В-третьих, государственные чиновники осуществляют контроль селективно, так что формальные правила используются с целью вымогательства средств и оказания выборочного давления на субъектов рынка. В-четвертых, субъекты рынка, в свою очередь, выторговывают для себя у государственных чиновников нужные условия применения формальных правил на практике. В-пятых, в целях узаконивания процесса “деформализации правил” принимается ряд мер и по-разному толкуются уже имеющиеся правила» (Радаев, 2004). Термин «деформализация» в данном случае несет в себе негативную коннотацию.

⁵² Теория Хайека была охарактеризована О'Брайеном как «романтическое англофильство» (О'Брайен, 1998).

от выбранного варианта реформ процесса формирования неформальных правил как позитивного и для видения того, что в ходе реформ могут возникать совершенно новые неформальные правила. Справедливость первого утверждения можно проиллюстрировать на примере возрождения традиций предпринимательства в Польше или Китае, а примеры, подтверждающие верность последнего, многочисленны: это и явления негативного свойства (коррупция, кумовство, уклонение от уплаты налогов), и положительные тенденции (соблюдение налогового законодательства), и неоднозначные явления (сохранение избыточного штата работников, бартер). Подобные примеры легко отыскать в истории (или в сегодняшней реальности) развитых капиталистических стран.

ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ ПОЛЕЗНА?

Новые институциональные теории часто опираются на безоговорочно принимаемый стандартный принцип, с точки зрения которого формальные правила (или, наоборот, неформальные, появившиеся в результате развития общества), в общем, оцениваются положительно. Сосуществование формальных и неформальных институтов рассматривается в основном как положительная модель или идеальный тип взаимоотношений, являющийся образцом, с которым следует сверять процесс реформ или с помощью которого следует оценивать сложившиеся ситуации. Однако постсоциалистические реформы снова продемонстрировали, что в процессе исторических преобразований может сформироваться большой спектр сочетаний из разных правил, и это показывает, что стандартные модели могут и не работать, если имеет место выбор особых путей трансформации.

Стандартная модель сосуществования иногда отвечает имеющимся требованиям. Виниеcki⁵³ заявляет в духе неолитерализма, что неформальные правила могут уменьшать негативное влияние неправильно действующих формальных институтов. Используя новый подход к понятию «институт», авторы Доклада о мировом развитии за 2002 г., подготовленного во Всемирном банке, утверждали, что «нет такого понятия, как единоеобразное институциональное строительство», вероятно, признавая тем самым наличие зависимости вида института от имеющихся условий. Далее в Докладе отмечалось следующее: «Когда неформальные институты работают эффективно и когда формальные институты требуют создания вспомогательных структур, строительство новых формальных институтов, возможно, не является для политиков приоритетным». Предлагалось «смириться с наличием неформальных институтов в случае, когда формальные институты не дают нужного эффекта»⁵⁴. Таким образом, было предложено использовать более нестандартный подход, но такая позиция разделялась меньшинством исследователей и политологов-консультантов.

В теории об институциональной взаимодополняемости⁵⁵ подчеркивается, что (формальные) институты, действующие в рамках одной или разных социально-экономических сфер, зависят друг от друга либо укрепляют позиции друг друга. Тем не менее здесь нет упоминания о взаимоотношениях формальных и неформальных институтов или правил; также не говорится и о возможности «неблагоприятного» укрепления позиций, как, например, в случае, когда деятельность «полезного» института приводит к образованию альянса «вредных», но взаимозависимых институтов. Эту теорию можно развить и упорядочить⁵⁶.

⁵³ Winiecki Jan. *Formal Rules, Informal Rules and Economic Performance* // *Acta Oeconomica*. — 2000/1. — 51 (2).

⁵⁴ World Bank. *World Development Report 2002: Building Institutions for Markets*. — Oxford: Oxford University Press, 2002.

⁵⁵ Aoki M. *Toward a Comparative Institutional Analysis*. — Cambridge Mass. and London: MIT Press, 2001;

Amable B. *The Diversity of Modern Capitalism*. — Oxford: Oxford University Press, 2003.

⁵⁶ Системная унификация (Корнаи, 1992) — это теория, имеющая дело с еще большей степенью абстрагирования, чем теория взаимодополняемости институтов. В первой речь идет о разных типах систем (таких как социализм и капитализм), а во второй — о стилизованных исторических моделях капиталистического устройства в разных странах.

Практика постсоциалистических трансформаций и крайне отличающиеся друг от друга пути реализации системных изменений в разных странах, а также возникновение разнообразных форм капиталистического устройства общества подтверждают тезис о том, что неформальные институты и правила действительно играют свою роль в этом процессе. Наличие взаимозависимости между формальными и неформальными правилами в процессе исторических преобразований сейчас широко признано. Однако редуccionистские или субъективистские теории, сосредоточенные на рассмотрении либо исключительно неформальных, либо исключительно формальных правил, либо гипотезы о равновесии между ними, могут навсегда поставить барьер для открытого, непредвзятого подхода к решению этой важной проблемы. Ориентация на стандартные модели «хороших» правил или модели сосуществования этих правил, основанные на господстве формальных либо неформальных правил, что связано с субъективными оценками понятий эффективности и экономических показателей, может исказить результаты анализа системных изменений.

Изменения формальных и неформальных институтов могут принимать чрезвычайно разнообразные формы в зависимости от условий (революционных или эволюционных), в которых они происходят. Типы взаимоотношений между процессами изменений формальных и неформальных правил в разных странах зависят от условий и особенностей их исторического развития. Лучше понять суть такого разнообразия — вот непростая задача для будущих исследователей.

Библиография

1. Amable, B. *The Diversity of Modern Capitalism*. — Oxford: Oxford University Press, 2003.
2. Aoki, M. *Toward a Comparative Institutional Analysis*. — Cambridge Mass. and London: MIT Press, 2001.
3. Beresford, M. *Economic Transition in Vietnam*. — Cheltenham: Edward Elgar, 2001.
4. Berger, S., Dore, R., eds. *National Diversity and Global Capitalism*. — Ithaca: Cornell University Press, 1996.
5. Chavance, B., Magnin, É. *Emergence of Path-dependent Mixed Economies in Central Europe // Beyond Market and Hierarchy: Interactive Governance and Social Complexity / A. Amin, J. Hausner, eds.* — Cheltenham: Edward Elgar, 1997. — P. 196–232.
6. Chavance, B. *Institutional Economics*. — London: Routledge (forthcoming), 2008.
7. Commons, J. *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*, vol. 2. — New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1990.
8. Freeland, C. *Sale of the Century. The Inside Story of the Second Russian Revolution*. — London: Little, Brown and Company, 2000.
9. Hall, P., Soskice, D. *Varieties of Capitalism. The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. — Oxford: Oxford University Press, 2001.
10. Hamilton, W. *Institution // Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 8 / E. Seligman, A. Johnson, eds. — London: Macmillan, 1932 (repr. in Hodgson, G., ed. *The Economics of Institutions*. — Aldershot: Edward Elgar, 3-8, 1993).
11. Hayek, F. *Law, Legislation and Liberty*, vol. 1, *Rules and Orders*. — London: Routledge & Kegan Paul, 1973.
12. Hayek, F. *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. — Chicago: University of Chicago Press, 1988.
13. Helmke, G., Levitsky, S. *Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics*. — 2004. — 2 (4), December. — P. 725–740.
14. Hodgson, Geoffrey. *How Economics Forgot History. The Problem of Historical Specificity in Social Science*. — London: Routledge, 2001.
15. Hollingsworth, R., Boyer, R., eds. *Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
16. Kornai, J. *The Socialist System. The Political Economy of Communism*. — Oxford: Oxford University Press, 1992.

17. Kornai, J. What the Change of the System from Socialism to Capitalism Does and Does Not Mean // *Journal of Economic Perspectives*. — 2000. — 14 (1). — P. 27–42.
18. Kornai, J. The Great Transformation of Central Eastern Europe: Success and Disappointment // *The Economics of Transition*. — 2006. — 14 (2). — P. 207–244.
19. Lane, D., Myant, M., eds. *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. — New York: Palgrave Macmillan, 2007.
20. Леденева, А. Российская экономика блага: блат, сети отношений и неформальный обмен. — Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
21. Leipold, H. The Contribution of Neoliberal Ordnungstheorie to Transformation Policies // *Institutional Economics in France and in Germany. The German Ordoliberalism versus the French Regulation School / Labrousse A., Weisz J.-D., eds.* — Berlin: Springer Verlag, 2001. — P. 334–348.
22. Lubman, S. *China's Legal Reforms*. — Oxford: Oxford University Press, 1996.
23. Magnin, É. La contribution des économies post-socialistes a la diversité du capitalisme // *Capitalisme et socialisme en perspective. Evolution et transformation des systèmes économiques / B. Chavance et al., eds.* — Paris: La Découverte, 1999. — P. 349–370.
24. Morishima, M. Why has Japan 'succeeded'? — Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
25. Naughton, B. *Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reforms 1978–1993*. — Cambridge University Press, 1995.
26. Naughton, Barry. *The Chinese Economy: Transitions and Growth*. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 2006.
27. Nee, V. Norms and Networks in Economic and Organizational Performance // *American Economic Review*. — 1998. — 88 (2), May. — P. 85–89.
28. North, D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — New York: Cambridge University Press, 1990.
29. North, D. Economic Performance Through Time // *American Economic Review*. — 1994. — 84 (3), June. — P. 359–368.
30. North, D. Understanding Economic Change // *Transforming Post-communist Political Economies / J. Nelson, C. Tilly, L. Walker, eds.* — Washington D. C.: National Academy Press, 1997. — P. 13–18.
31. O'Brien, D. Hayek, Friedrich August von (1899–1992) // *The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law, vol.1 / P. Newman (ed.)*. — London: Macmillan, 1998. — P. 217–229.
32. Paquet, Emmanuelle. *Réforme et transformation du système économique vietnamien, 1979–2002*. — Paris: L'Harmattan, 2004.
33. Pejovich, S. The Effects of the Interaction of Formal and Informal Institutions on Social Stability and Economic Development // *Journal of Markets & Morality*. — 1999. — 2 (2), Fall. — P. 164–181.
34. Pejovich, S. Understanding the Transaction Costs of Transition: It's the Culture, Stupid! // *Review of Austrian Economics*. — 2003. — 16. — P. 361–374.
35. Pistor, Katharina. The Evolution of Legal Institutions and Economic Regime Change // *Governance, Equity and Global Markets. Proceedings of the Annual World Bank Conference on Development Economics in Europe / Pleskovic B. (ed.)*. — Paris: La Documentation Française, 2000. — P. 119–128.
36. Radaev, V. How Trust is Established in Economic Relationships When Institutions and Individuals are not Trustworthy: The Case of Russia // *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition / Kornai J., Rothstein B. & Rose-Ackerman S, eds.* — New York: Palgrave Macmillan, 2004. — P. 91–110.
37. Roland, G. *Transition and Economics: Politics, Markets and Firms*. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.
38. Sachs, J., Pistor, K., eds. *The Rule of Law and Economic Reform in Russia*. — Boulder (Co.): Westview Press, 1997.
39. Schmid, A. *Conflict and Cooperation. Institutional and Behavioral Economics*. — Blackwell, 2004.
40. Stark, D., Bruszt, L. *Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
41. Sztompka, P. *Trust: A Sociological Theory*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
42. Van de Mortel, E. *An Institutional Approach to Transition Processes*. — Aldershot: Ashgate, 2002.
43. Voigt, S., Engerer, H. *Institutions and Transition. Possible Policy Implications of the New Institutional Economics // SSRN, Working paper*. — 2001. — December.
44. Walder, Andrew (ed.). *The Waning of the Communist State: Economic Origins of Political Decline in China and Hungary*. — University of California Press, 1995.
45. Wank, D. *Commodifying Communism: Business, Trust, and Politics in a Chinese City*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
46. Weber, Max. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. — Berkeley: University of California Press, 1978.
47. Winiacki, Jan. Formal and Informal Rules in Post-Communist Transition // *Journal of Public Finance and Public Choice*. — 1998. — XVI (1). — P. 3–26.
48. Winiacki, Jan. Formal Rules, Informal Rules and Economic Performance // *Acta Oeconomica*. — 2000/1. — 51 (2). — P. 147–172.
49. World Bank. *World Development Report 2002: Building Institutions for Markets*. — Oxford: Oxford University Press, 2002.